

П. Б. СТРУВЕ

«Общественная реакция» или борьба с реакцией? — Призыв к покаянию или призыв к собиранию сил?

В оценке «Вех» наступает в нашей прогрессивной печати поворот, который нельзя не признать большим шагом вперед. Озлобление и обида за оскорбленное величество интеллигенции сменяются критикой по существу, и в серьезных устах уже не слышатся нелепые обвинения в «реакционности».

В другом месте * я указываю, на какую наклонную плоскость становятся наши противники, выдвигая подобные обвинения. Такая полемика действует отупляющим образом на сознание. Во-первых, она увековечивает верхоглядство, поверхностную, да позволено будет сказать, чисто полицейскую точку зрения на идеи. Во-вторых, — и это второе связано с первым — она стремится погасить всякую работу мысли «одиозными», т. е. внушающими недобрые чувства, обвинениями. «Реакция», «реакционер» — значит его нечего слушать не только теперь, но и вообще. В стадном обществе действие всякой смелой, держащей мысли необычайно легко пресекается такими обвинениями. Этот метод полемики наносит огромный вред, отражаясь на всем духовном складе общества. Он приносит дурные плоды и в целом ряде частных практических случаев, ибо он извращает все общественные оценки даже в отношении отдельных лиц. В последнем историческом итоге, конечно, все потонет, «история» во всем разберется, но в каждый данный момент это может означать довольно крупный ущерб.

При той бесшабашной легкости, с которой у нас раздаются и воспринимаются широкой публикой подобные политические

* См. ниже в отделе «На разные темы».

аттестации, смелые и независимые люди попадают в «подозрение», а люди, умеющие думать и говорить так, как это нравится «большинству собрания», люди, мыслящие и чувствующие в меру настроения толпы, становятся авторитетами и вершителями. Т. е. в корне извращается и подрывается та духовная и материальная основа, на которой может держаться авторитет, как нечто здоровое и законное, как некоторое главенство, утверждаемое на моральном и духовном превосходстве, авторитет — истинный, а не облыжный.

У нас принято говорить, что все дело освобождения провалилось, потому что не было гениальных и хотя бы талантливых вождей. Помимо того что в этом обвинении повторяется забавная старая история: всякая эпоха считает самое себя самой глупой, самой бездарной, самой развращенной — в нем интересно полное извращение истинного соотношения между «ведущими» и «ведомыми» в эпоху русской революции.

Кто имел в русском освободительном движении наибольшее личное обаяние и в силу того мог иметь наибольшее влияние и сконцентрировать на себе наибольшую сумму авторитета? Именно люди, которые имели наименьшие права на авторитет. Русская «толпа» — толпа в самом широком смысле слова, сама создавала себе авторитеты. Не подчинялась авторитету как некоему объективному превосходству, а превращала в авторитет то, что угождало и «служило» ей, толпе. Вот почему до 17 октября единственным действительно влиятельным человеком в массовом народном движении был Гапон². Вот почему самым популярным в широких кругах деятелем первой Думы был г. Аладьин³.

В разное время мне приходилось подолгу говорить с Гапоном. В другой раз я расскажу более подробно об этих встречах. Это был человек, при всей своей сметливости, духовно совершенно ничтожный и глубоко бесчестный. Но в итоге встреч с этой любопытной «исторической» фигурой я понял и теперь совершенно ясно вижу, что не вопреки отмеченным свойствам, а именно *благодаря* им он в свое время явился авторитетом и приобрел такое влияние на умы.

Я мог бы иллюстрировать другими менее яркими примерами свою мысль. Вот эта ужасная неспособность к качественным оценкам людей, а не отсутствие людей обусловило отсутствие настоящих авторитетов в движении. «Толпа» не умела ни различать, ни признавать истинного авторитета. Именно в этом сказалась политическая и, общее, духовная незрелость всего народа. В дни свобод такого человека, как Д. Н. Шипов⁴,

в широких кругах трактовали едва ли не как реакционера. К. К. Арсеньев тогда же навлек на себя нападки и должен был выйти из партии «Народной свободы» потому, что усомнился в правильности метода «прямых» выборов в русских условиях.

В обществе с таким духовным складом выдвигать против идей и писателей обвинения в «реакционности» значит не только увековечивать его верхоглядство, но и всячески поддерживать в нем черту, которая оказалась едва ли не самой пагубной для торжества новых государственных порядков. В настоящую минуту и в связи с чисто литературным явлением это соображение, быть может, лишено той видимой остроты, которая была ему присуща в других случаях. Но принципиальное его значение очень велико, и вот почему, когда с *такой* полемикой против «Вех» выступают такие люди, как кн. Д. И. Шаховской*, приходится изумляться тому, какие важные уроки недавнего прошлого остались ими не усвоенными и как беззаботны они насчет политического воспитания русского общества.

Та идейная работа, которую делают авторы «Вех», не есть «общественная реакция», а есть борьба с реакцией в ее подлинном убежище, в нашей собственной слабости, в наших недостатках, возводимых к их самым общим и глубоким источникам. Любопытно, что нашим противникам из лагеря «кадетского» или, общее, «либерального» нечего возразить против практически-политических выводов, отчасти делаемых нами, отчасти вырисовывающихся из наших рассуждений. А в то же время мотивы их разногласия вряд ли уже отвлеченно-философские. Ведь высылают же они против нас, между прочим, Д. С. Мережковского, с которым у них самих нет идейно ничего общего. Когда Д. С. Мережковский спорит против меня в «Речи»⁵ и во имя «апокалипсиса» обличает меня в реакционности, это, может быть, эффектно с точки зрения газетной сервировки, но по существу смехотворно и в то же время производит отчаянную путаницу, настоящий хаос в умах читателей. Идейное воспитание приносится тут в жертву какой-то тактике, смысл которой мне мало понятен.

* * *

Я сказал выше, что в споре о «Вехах» наступает поворот. Спокойно, быть может слишком спокойно, пишет об этих те-

* В статье «Слепые вожди слепых», напечатанной в ярославском «Голосе» в номере от 3 апреля.

мах в «Вестнике Европы» всегда уравновешенный, всегда соблюдающий меру К. К. Арсеньев⁶.

Он понимает смысл сборника как «призыв к покаянию».

Для меня, должен сказать, вовсе не в этом его смысл. Если это — «призыв», то призыв к собиранию сил, к свободному и в то же время проникнутому чувством «меры» творчеству жизни.

Нас обвиняли в агрессивном тоне против интеллигенции, в прокурорском усердии и проч. Боюсь, что даже такие спокойные наши оппоненты, как уважаемый К. К. Арсеньев, наоборот, впадают в роль «апологетов» и даже «защитников» в процессуальном смысле. Так, цитируя мои слова о том, что «суть дела не в том, что революцию делали плохо, а в том, что ее вообще *делали*, когда вся задача состояла в том, чтобы все усилия сосредоточить на политическом воспитании и самовоспитании», почтенный редактор «Вестника Европы» спрашивает: «Слыханное ли дело, чтобы в такие критические минуты, какие переживала Россия в 1904—1906 гг., общественное внимание сосредоточивалось на вопросах воспитания и самовоспитания?» Обращенный против меня вопрос этот в устах К. К. Арсеньева представляет уж слишком формальную «защиту», если не простое недоразумение. Ибо я под политическим воспитанием и самовоспитанием, противопоставляя его «деланию» революции*, противопоставлял один вид, один метод политического действия другому. Это совершенно ясно из продолжения той же цитаты: «Война раскрыла глаза народу, пробудила национальную совесть, и это пробуждение открывало для работы политического воспитания такие широкие возможности, которые обещали самые обильные плоды. И вместо этого что же мы видели? Две всеобщие стачки с революционным взвинчиванием рабочих масс (Совет рабочих депутатов!), ряд военных бунтов, бессмысленных и жалких, московское восстание, которое было гораздо хуже, чем оно представилось в первый момент, бойкот выборов в первую Думу и подготовка (при участии провокации!) дальнейших вооруженных восстаний, разразившихся уже после роспуска Государственной Думы».

Моя мысль тут совершенно ясна, и меня удивляет, почему К. К. Арсеньев с нею спорит. Конечно, все случившееся (и в том числе московское восстание) было в известном смысле исторически неизбежно, но тем не менее с той общей точки зре-

* Ударение лежит тут на слове «*делать*», и это значит на конкретных примерах вот что: первая всеобщая стачка «произошла», «случилась», вторая и третья были «сделаны».

ния, на которой стоим мы оба, и К. К. Арсеньев, и я, совершенно ясно, что участие в выборах в первую Государственную Думу было делом политического воспитания и самовоспитания, а пропаганда восстаний и всеобщих стачек была делом прямо противоположным. Впрочем, это настолько верно в объективном смысле, что против этого нельзя в настоящее время спорить даже и под чисто революционным углом зрения.

Если К. К. Арсеньев рассматривает «Вехи» преимущественно с точки зрения правильности и определенности заключающихся в сборнике «обвинений», то с этой точки зрения в том пункте, которого я сейчас касаюсь, мое «обвинение» более правильно и определено, чем его «защита». Оно направлено против определенных групп и говорит о совершенно определенных действиях. Обвинение в данном случае гораздо *точнее* защиты. Мой почтенный оппонент, по свойственной ему мягкости, увлекся в сторону «апологетики».

Но вообще суть дела, конечно, не в обвинениях, не в том, кому вменять, а что вменять. Суть дела не в оценке людей, которые сошли или сойдут со сцены, а в оценке идей, мировоззрений и действий независимо от того, кому они могут и должны быть приписаны или вменены.

Мировоззрения, идеи и действия гораздо долговечнее и могущественнее людей. Не следует к состязанию идей подходить с «процессуальными» мерками и критериями, искать в нем обвинение и защиту.

Состязание идей совсем особый суд, где нет ни прокуроров, ни защитников.

Не следует также такое состязание приравнивать к исповеди или покаянию.

Состязание идей есть борьба и соби́рание духовных сил.

В одном частном разговоре мне пришлось услышать про «Вехи»: это — немужественная книга. Да, для тех, кому слышится в ней только призыв к покаянию, она может казаться немужественной и недейственной. Но я с этим согласиться не могу: для меня это — призыв к соби́ранию сил, к созданию нового духовного закала, призванного воплощаться в жизни и в действии.

(Струве П. В. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. СПб., 1911. С. 236—242; первоначально опубликовано в газете «Слово» 7 (20) мая 1909 г.)

